
С. З. ГОНЧАРОВ

ПРОИЗВОДСТВО КАПИТАЛА И ХАОТИЗИРОВАННОГО СОЗНАНИЯ

Современная буржуазная социальность следующим образом задает особый стиль мышления, представленный в постмодернистской философии.

1. Если в капиталистической экономике финансовый капитал все более отрывается от производительного капитала, а деньги – от товарной массы, то постмодернисты *отрывают значения от обозначаемого* (от референта, от действительности). Карта стала важнее реальности. Ж. Деррида утверждает: «Мы даем знаки. Знак... представляет собой отложенное, отсроченное присутствие. При этом не имеет значения, идет ли речь ... о делегатах на выборах или о политических представителях, движение знаков откладывает момент встречи с вещью самой по себе»¹. Политики в России тоже стали производить *движение знаков*, откладывая каждый раз сроки реализации обещаний. И народ в стране ходит от одного ожидания к другому, а потом – от одного разочарования к иному разочарованию. Все политические технологии, используемые режимом Б. Н. Ельцина, отмечал А. С. Панарин, «основывались на главном постулате постмодернистского дискурса – на подмене обозначаемого обозначающим, объективных показателей, относящихся к реальной социальной действительности, знаками»².

2. Постмодернисты, отмечает профессор университета Нотр-Дам (США) К. Харт, «любят обитать в виртуальном мире»³. Почему язык стал не средством выражения действительности, а «домом», вне которого иного бытия нет? Ведь кто-кто, но философы-то призваны понимать различие между объективными процессами и их идеальными выражениями в знаковой форме.

---

¹ Цит. по: Гурко, Е., Деррида, Ж. Деконструкция: тексты и интерпретация. – Минск, 2001. – С. 116.

² Панарин, А. С. Народ без элиты. – М.: Эксмо, 2006. – С. 63.

³ Харт, К. Постмодернизм. – М.: Гранд-Фаир, 2006. – С. 53.

Существо дела заключается не в индивидуальных предпочтениях, а в какой-то *объективной тенденции*, которая и выражается в «дискурсах» постмодернистов. Э. В. Ильенков выявил такую тенденцию еще тогда, когда постмодернизм только оформлялся. Он анализировал *знаковый фетишизм* на материале «логического позитивизма», «философии языка», «логической семантики», «языка науки». Разделение труда породило массу профессий, представители которых действительно живут в мире слов, знаков, «не имеющих почти никакого зацепления с действительностью». Это – счетчики-вычислители, преобразующие одни знаковые выражения в другие знаковые выражения; армия адвокатов, занятых формальным подведением юридических характеристик фактов под определения права; легионы журналистов, «старającychся перешеголять друг друга в умении раскрашивать в яркие словесные тона ничего не значащие факты и рассматривающих эти факты лишь как поводы для упражнения в чисто вербальной ловкости»; представители «абстрактной живописи»; к этому ряду следует добавить виртуальные (счетные и электронные) деньги; ежедневную рекламу; СМИ, которые манипулируют значениями, оторванными от действительных событий. Для подобных профессионалов «язык действительно превратился из средства выражения действительности в единственный предмет их работы. ...Для них и “естественна” иллюзия, согласно коей язык и есть “подлинное бытие”». Из такой профессиональной иллюзии и вырастает знаковый фетишизм, столь характерный в нынешнем постмодернизме. Тайна этого фетишизма, заключает Э. В. Ильенков, раскрывается в калечащем людей разделении труда⁴. Предметно ориентированное мышление понятно и естественно «для тех классов, людей, которые преобразуют своими руками неподатливый материал природы, постигая в ходе этого преобразования его собственные свойства и закономерности изменения, и для той науки, которая ясно видит свою генетическую связь с этим реальным процессом и старается понять его закономерности, чтобы сделать руки умнее, чтобы научить их работать с материалом в согласии с его собственной природой, а не вопреки ей»⁵.

3. Если в капиталистической экономике производство прибавочной стоимости, деньги стали самоцелью, то у постмодернистов

---

⁴ Ильенков, Э. В. Гегель и герменевтика / Э. В. Ильенков // Искусство и коммунистический идеал. – М., 1984. – С. 103–104.

⁵ Там же. – С. 106.

самоцелью выступает манипулирование значениями в таких *причудливых формах*, что аналитики квалифицировали постмодернистский стиль мышления как «шизофренический дискурс». Как «финансовые пирамиды» не обеспечены реальным приростом потребительных стоимостей, так же «знаковые пирамиды» не обеспечены *реальным предметным значением*.

И. А. Гобозов, анализируя «шизофренический дискурс», приводит такой факт. Американский физик А. Сокал, удрученный интеллектуальным перерождением американской университетской интеллигенции, провел эксперимент: написал пародию на «дискурс» постмодернистов под абсурдным названием «Нарушая границы: к трансформативной герменевтике квантовой гравитации», наполнив статью явными нелепостями, в частности тем, что известные числа – «пи» Евклида и сила притяжения G Ньютона являются исторически преходящими, так как физическая реальность является *лингвистической* и социальной конструкцией, нарративом, большим рассказом. Эта статья была опубликована в модном культурологическом журнале «Социальный текст» в специальном номере как ответ на выступление отдельных ученых против постмодерна⁶!

4. А. Сокал и Ж. Брикмон выявили в мышлении постмодернистов такие изъяны: авторы используют научные термины, не задумываясь, что реально они обозначают перенос понятий точных наук в гуманитарную область; ошеломляют читателя терминами в такой связи, которая не имеет смысла. «Речь идет о самом настоящем отравлении словами и удивительном безразличии к их значениям»⁷. Отказ постмодернистов от предметного мышления губит образование и культуру. «Студенты учатся повторять и выстраивать рассуждения, в которых они мало что понимают. ...В конечном счете, обдуманно невразумительные рассуждения и сопутствующая им интеллектуальная бесчестность отравляют часть интеллектуальной жизни и усиливают и без того распространенный среди населения примитивный антиинтеллектуализм»⁸. Элитарность постмодернистов заключается в их претенциозном жаргоне, отры-

---

⁶ Гобозов, И. А. Куда катится философия. От поиска истины к постмодернистскому трепу. – М., 2005. – С. 103–105.

⁷ Сокал, А., Брикмон, Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна. – М., 2002. – С. 19.

⁸ Там же. – С. 168–169.

вающем думающих людей от реальных проблем и направляющем умы в «стерильные споры». И. А. Гобозов делает один из выводов: «Сочинения постмодернистов порой бессмысленны и бессодержательны. Их можно воспроизводить бесконечно, и никакого научного прогресса никто не заметит»⁹. Свою книгу он заключает так: «Поэтому пока в общественном сознании и философском мире доминирует постмодернизм, не приходится ждать взлета философской мысли. Пока философия катится вниз и не видно, когда это прекратится»¹⁰.

5. Либеральной рыночной экономике и либеральной идеологии, призывающей граждан освобождаться от государственного регулирования и контроля, соответствует освобождение постмодернистов *от культуры мышления, от логической дисциплины*. Научная методология подменяется «правилами игры». История представляется как архив, с полки которого можно произвольно выбирать то, что заблагорассудится. Если идет речь о различии чего-либо, то оно абсолютизируется так, что отрицается тождественное в различиях, если мысль постигает многообразие, то отрицается единство в многообразии. Главное – надо «различать», главное – «фрагментарность». «Именно эта пугающая фрагментарность всего нашего интеллектуального наследия характеризует постмодернизм во всей его неприкрытой сути»¹¹.

Но научная мысль тогда открывает новую грань бытия, когда за различиями она схватывает существенное *тождество*, за многообразием – *единство*. И. Ньютон за падением яблока и движением планет мысленно увидел *одно и то же* – действие силы гравитации и стал классиком в науке. Прежде чем что-то различать, например производство капитала в США и в Японии, необходимо установить, *что такое производство капитала вообще; ибо различия имеют логический смысл только в рамках определенного тождества*. Иначе мы будем иметь не существенные различия, а эмпирическую *разность непонятнейшего* уровня: «в огороде бузина, а в Киеве – дядька».

6. Для М. Бланшо одним из «неизменных и мощных противников было единство»¹². Единство самосознания, идентичность лич-

---

⁹ Гобозов, И. А. Указ. соч. – С. 109.

¹⁰ Там же. – С. 198.

¹¹ Харт, К. Указ. соч. – С. 117.

¹² Там же. – С. 115.

ности в смене ситуаций, единство территории страны, единство государства и т. д. – это, оказывается, «противники», некие оковы; но оковы для мышления, которое отказалось от культуры разумного мышления (диалектики), соединяющего противоположности в продуктивный и важный *практический синтез* в реальной жизни. Люди независимо от философских построений работают друг на друга, повседневно творят *единую* связь, делают *практический синтез* из раздробленной единичности. Из *практического синтеза* следует *синтез логический*, понятийное связывание эмпирического материала. *Логику ценит тот, кто ценит труд и тружеников*. Человек созидательного труда признает логику и стыдится, чувствует себя неловко, когда его упрекают в нелогичности дел и мыслей.

После Гегеля как-то неудобно напоминать о том, что хвататься за одно определение, игнорируя противоположное, означает разложение теоретической мысли с печальными последствиями на *практике*. Мыслить логически, заметил Маркс в беседе с социологом М. М. Ковалевским, «можно только по диалектическому методу, ну а нелогически – хотя бы и по позитивному»¹³, особенно, добавим, по-постмодернистски.

Антиреализм, антиосновность существенным образом характеризуют постмодернистское мышление. Лишь подменив обозначаемое знаками, только выбросив из логического арсенала категорию основы (а значит, закономерности, субстанции, причины, взаимодействия), можно произвольно жонглировать терминами. Из антиреализма и антиосновности следуют присущие постмодернистским построениям *номинализм, релятивизм, внеисторизм, потеря предметного содержания мысли, крайний субъективизм, безответственная игра терминами*, а в целом – *разложение* теоретической мысли и превращение философии в рассказы о том о сем, в литературоведение. Антиосновность – «лучший способ» представить постмодернизм, пишет К. Харт¹⁴.

7. Постмодернизм *востребован политической практикой*. Его построения лучше всего подходят для *манипулирования: ставка на подмену обозначаемого знаками* позволяет уводить сознание в вир-

---

¹³ Ковалевский, М. М. Встречи с Марксом // Воспоминания о Марксе и Энгельсе / под ред. Е. А. Степановой. – М., 1956. – С. 315.

¹⁴ Харт, К. Указ. соч. – С. 54.

туальный мир *произвольных построений, грез и мифов; номинализм*, отрицание *единой связи*, которая соединяет части в *целое* (граждан – в *соотечественников*, различные поколения – в социокультурную *преемственность*), служит способом превращать народ в блуждающие потоки населения, в механическую сумму *атомарных одиночек* без служения Отечеству, без духовной солидарности, без великих Целей, Проектов и Общего дела; *релятивизм* (все относительно) размывает *нравственные устои*, социокультурную *идентичность, ценностную стратегию* в развитии страны, подкапывает основы *духовной интеграции и солидарности* народа. Эти практические последствия якобы стерильного постмодернизма ловко создаются политиками. Поражающая сила постмодерна объяснима: сознание есть система значений; значения есть содержание, представляющее не себя, а иное содержание, отсылающее к иным содержаниям; значения, как правило, закреплены знаками, «текстами»; в роли знаков могут выступать и реальные события; несамостоятельное мышление можно легко направить в нужном направлении путем ложной *интерпретации* событий и «текстов».

8. Постмодернистский дискурс входит в состав современного *организационного и концептуального оружия* и реализуется в иных странах в форме «вялотекущих катастроф», *намеренно организованного хаоса*. А. С. Панарин так оценил использование синергетической фразеологии в геополитике: «Глобалисты разрушают все формы сложившейся национальной самоорганизации для того, чтобы на “пустом месте” заново построить свой глобальный порядок. Они покупают свою свободу ценой тотального разложения и потрясения основ, развязывают мировой хаос ради одного им ведомого порядка. “Порядок из хаоса”, “управление хаосом” – самые модные слова элитарной постмодернистской лексики»¹⁵. И находятся простаки от синергетики, верящие в «конструктивную роль» хаоса!

Есть и положительная сторона в «дискурсе»: во-первых, постмодернизм обнажил важную программирующую роль знаковых систем в общественном сознании. Во-вторых, игры в «тематизацию», в рассказы-нарративы настолько деструктивны, что они неизбежно побуждают к возрождению *неоклассики* не только в философии, но и в культуре в целом.

---

¹⁵ Панарин, А. С. Искушение глобализмом. – М., 2003. – С. 29.